
М.Л.

Настроив телескоп картонный,
На небо смотрит астроном.
А небо тёмное бездонно
Молчит, не ведая о том,

Как я настраиваю слово
На тонкий лад, небесный звон,
И отправляю в полвторого
Сквозь ломкий безнадежный сон.

Летят слова, летят, не тая,
Летят, не сбившись ни на грань,
А жизнь течёт непрожитая.
Невстреча, средоточье ран...

Мой стих затихнет на сетчатке,
Увы, невидимый вдвойне,
Не доберётся до тетрадки,
Но ты узнаешь обо мне.

Когда меня с веранды повели
(Она была украшена решёткой),
Упёрлись в спину палки и нули,
От мартовского снега пахло водкой,

Здесь кто-то над стволами поднимал
В прибое хвойном тающих иголок
Весь Млечный путь, девятый звёздный вал
Рвал цепи, и дымился рифм осколок,

И я уже — смолящий конвоир
В отсрочке от последнего покоя,
Под голову сложив дрожащий мир,
К плечу почти, почти примкнул щекою...

И мнилось мне, что Гойя, Пикассо
Под градусом Мадрида и Кореи —
Как я, не замечающий часов,
Шагают под надзором, не старея.

Что снится им?..

Голос пропал

Голос ушёл, как поезд, и ни к чему билеты,
Где-то он мчит в пространствах, в стоге из звёзд игла,
Тонет с яйцом и птицей на переправе Леты,
Прячущей отраженья: только что ты была.

Голос — почти что поезд. Только что он уехал,
Дверь запирая глухо, сдвинув души засов,
Но на краю вселенной всё же дробится эхо,
И отраженье бьётся в тысячах голосов.

Мой отец давным-давно писал стихи,
 Нет, конечно, стихи — слишком громко сказано
 Про эти короткие, едва рифмованные строчки,
 Выведенные не слишком ровным почерком
 С орфографическими, речевыми, грамматическими
 И прочими ошибками
 И, в довершение всех несчастий,
 Со смешными рисунками на свободном
 пространстве полей

Общей тетради
 В плотно-ребристом коричневом переплёте
 (Таких теперь наша промышленность
 Отчего-то не изготавливает).

Они, напоминающие колыбельные
 (Некоторые и вправду были колыбельными),
 Продолжают снится мне и теперь;
 Они всегда звучат отцовским голосом
 В дверном проёме между прихожей и кухней
 В квартире, которой уже нет.
 А отец, не замечая этого, продолжает чтение
 Вслух,
 А я снова тянусь, пытаюсь
 Увидеть, какие сокровища рассыпаны
 За обложкой общей тетради
 В знакомом коричневом переплёте...

Возможно, это был не самый полезный талант
 Для оператора дробемёта,
 Для рабочего кораблестроительного завода,
 Для моего отца,
 Из рук которого выходили корабли,
 Встречающие теперь своими стальными лицами
 Арктические ледовые поля
 И дымящиеся миражи Персидского залива.

время мерить шагами
пятнистый от луж петербургский асфальт
время носить активированный уголь
мокрой сентябрьской ночью
когтём блестящим чёрным
Медузы Горгоны
прижимая
коробочку с едва различимым рисунком
ты заболела
лето моё
жар камень тусклое свечение внутреннего накала
кто бросит камень
кто
кто кроме тебя самой способен
добраться до круглосуточной аптеки прошлого
киоска настоящего
гипермаркета настоящего
галереи будущего искусства
музея современного искусства
два последних места естественно
в эти mala horas закрыты
как твоё сердце удалённое из моего

Сормово

Смотри, смотри, горит Юпитер
Над крышей дома номер три!
Рассвет июня слёзы вытер,
Во всём районе фонари

(Ты пей!) старательно мешают
В стаканах света мошкару.
А где же удочка большая?
Скажи мне, завтра я умру?

О Сормово, большая рыба,
Рождённая большой водой!
Холодного хвоста изгибы
Грозят реакторной бедой.*

А дед мой плавился в мартене,
А рядом распадалась мать.
Родного пепелища тени
На позитроны разломать,

Как выяснилось, тоже можно.
Наживка ищет новый рот,
Свой голос я отдам тревожный
За поколение, за народ.

Я всё-таки влюблён от века
В район, плывущий по реке.
В тумане ищет человека
Мой белый бакен — вдалеке.

Во сне качаются промзоны,
Их рельсовый прибор простыл,
Проститься хочешь? Нет резона.
Я здесь родился. Я здесь жил.

* Радиационная авария на заводе «Красное Сормово» в 1970 году при строительстве атомной подводной лодки К-320.

Тамань

Уже прочерчены дороги,
Пробиты наши колеи,
Космические недотроги —
Кометы — жгут хвосты свои,
Касаясь жарких звёзд по-лисьи;
Планетам — взмах исподтишка,
Следящим: мы не добрались ли
До шва судьбы воротника,
До тонкого вселенной горла,
Горнила, бьющего за край
Протуберанцев: речь замёрзла,
Звучи, звучи, не умирай!
Не повторяйся: жив Печорин,
Страницей канувший в ночи,
Когда разносится над морем:
Не умирай, звучи, звучи!

И в море, как частицы свыше,
Огни на рейде дышат, ждут,
Грохочет порт далёкий, слышишь,
И колеи туда ведут,

Дай только руку.

Последний шаг до нашей встречи
Между вагоном и Москвой
Запретен, заперт, зарешечен,
В провал летя вниз головой,
Стремглав ли, навзничь ли, кто знает
Тоску тяжелую колёс?
От адских вихрей к стонам рая
Я на руках её пронёс.
И рельсовый накал, и скрежет,
Переходящий в дикий вой,
Пространство между нами режет.
Остался шаг. И я с тобой.

В твоей душе бродить лесами,
На дне неведомых озёр
Лежать, раскрыв глаза, часами
И зажигать во тьме костёр.

Пусть рядом мокрые поленья,
Трясина страсти, лес в дыму,
И тонут лучшие стремленья, —
Тебя я, как себя, приму.

И отраженья тянут время:
Который вечно в мире час?
Ты слышишь, мы забыты всеми,
А наш костёр почти погас.

Читателю «Школы для дураков»

Надеюсь, сей посланник СМОГа,
Изгнанник из родных пенат
Покажет вдруг судьбы дорогу
И Вас возьмёт на променад

По бесконечному просёлку
До дома, где владельца нет,
До речки Леты у посёлка...
Струятся мудрость, мысль и бред,

Сливаясь в темноте спортзала...
О, мой наставник, где же ты?
Как книгу мне начать сначала?
В начале Слово. Это *Ты*.

А *школа* мучила-учила
Сквозь униженья, боль и кровь
Системы тапочной Перилло...
Любовь на матах. И — Любовь!

А на платформе пятой зоны
(Копеек тридцать пять билет!)
Постигнуть времени законы
Поможет автор. Он — *Прозт*.

По улице, с дождём в обнимку,
Шумит Кастальский ключ второй,
И вечно, как на старом снимке,
Проходят автор и герой.

Спускаясь в недра перехода
Под вокзалом
Я находил бивни мамонтов
Зубы динозавров
Пещерную живопись нового палеолита

Подумаешь какая Альтамира
Сказала бы ты
Но ты ни разу не была в Испании
Заграничный паспорт я так и не получил
А получив верно начну записывать в нём
Сны — стихами
Рисовать звёзды и планеты
Диковинное зверьё зодиака
Столпотворение богинь и героев
Тебя конечно же тебя

Даже Сальвадору не снилось такое
Время уплетает на завтрак пространство
Световые года макая в чёрные дыры
Вселенная поворачивает вспять
Подчиняясь прихоти кисти в руке художника

И вот наконец
Осталось мне вспомнить
Как однажды вышагну из звездолёта
Самара — Москва
Антарес — Кассиопея
И на платформе не увижу
Тебя конечно же тебя